

Научная статья
УДК 81:001.12/.18
doi: 10.17223/19986645/98/8

Особенности структуры и реализации коммуникативной толерантности (на примере комментариев на страницах в социальных сетях, посвященных смешанным единоборствам)

Виктория Ивановна Тармаева¹, Валентин Сергеевич Нарчук²

¹ *Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия, vitarmaeva@gmail.com*
² *Издательский дом «Восточная Сибирь», Красноярск, Россия, val50993@gmail.com*

Аннотация. На основе комментариев на страницах в социальных сетях, посвященных смешанным единоборствам, авторами рассмотрена толерантность как стратегия, способствующая эффективному достижению коммуникативной цели. Выделена когнитивная структура толерантности, которая включает в себя изначальную интолерантность; собеседников, воспринимаемых друг другом как представителей разных полюсов оппозиции «свой–чужой»; убеждения собеседников, их мнения и установки, относящиеся к внутренней когнитивной информации, а также более общие знания о конструировании толерантного общения; способы конструирования отношения толерантности как средства гармонизации / уравнивания оппозиции «свой–чужой».

Ключевые слова: толерантность, коммуникативная стратегия, социальные сети, лингвопрагматика, когнитивная структура

Для цитирования: Тармаева В.И., Нарчук В.С. Особенности структуры и реализации коммуникативной толерантности (на примере комментариев на страницах в социальных сетях, посвященных смешанным единоборствам) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 141–158. doi: 10.17223/19986645/98/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/8

Structure and expression features of communicative tolerance (based on comments on social media pages dedicated to mixed martial arts)

Victoria I. Tarmaeva¹, Valentin S. Narchuk²

¹ *Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, vitarmaeva@gmail.com*
² *Vostochnaya Sibir' publishing house, Krasnoyarsk, Russian Federation, val50993@gmail.com*

Abstract. This article aims to examine the structure of communicative tolerance in the comments on social media pages dedicated to mixed martial arts. The object of research is the communicative tolerance in the comments of users of social media pages dedicated to mixed martial arts. The research focuses on the structure of communicative

tolerance and the ways it is expressed in comments on social media pages dedicated to mixed martial arts. The study materials are 11,000 comments on the public pages that are dedicated to combat sports from 2017 to 2021. The process of interpreting messages on social media pages dedicated to mixed martial arts is reflected in the "Friend-Foe" opposition. Tolerance can exist precisely in the presence of the "Friend-Foe" opposition. Communicative tolerance, being a relative concept, can only be understood through comparison with intolerance. It implies the reconciliation of different views in the "Friend-Foe" opposition. From the perspective of linguopragmatics tolerance can be defined as a communicative strategy that contributes to the effective achievement of the communicative goal by overcoming the initial negative intentions of the addresser or mitigating the expressed negative evaluation. The pragmatic task of communicative tolerance is to downplay implicit linguistic aggression or to soften an explicitly negative assessment. To confirm this definition of tolerance, the authors found out that social media users change their evaluation in the comments in accordance with the opinion of the majority of the page's subscribers, even if this opinion came from representatives of the "other" camp (fans of other fighters). Thus, social media users avoid conflicts with the majority of the subscribers of the pages dedicated to mixed martial arts. The authors also developed a cognitive structure of tolerance, or the mental image of the situation defined as a manifestation of communicative tolerance. Intolerance towards "others" generates dissonance, since linguistic and behavioral norms prescribe tolerant interaction between people. It is argued that intolerance can be the initial stage in the manifestation of tolerance. Trolling and flaming can serve as an attempt to get out of the dissonance generated by intolerance with the help of a specific form of internet communication. The cognitive structure of tolerance includes the initial condition of the emergence of tolerance (initial intolerance); interlocutors that are perceived by each other as the representatives of different poles of the "Friend-Foe" opposition; beliefs of interlocutors, their opinions and attitudes pertaining to internal cognitive information, as well as the general knowledge about the construction of tolerant communication; and the methods of constructing a tolerant attitude as a means of harmonization/balancing the specified binary opposition ("Friend-Foe" opposition).

Keywords: tolerance, communicative strategy, social media, linguopragmatics, cognitive structure

For citation: Tarmaeva, V.I. & Narchuk, V.S. (2025) Structural and implementation features of communicative tolerance (based on the comments on social media pages dedicated to mixed martial arts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 141–158. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/8

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью коммуникативной среды социальных сетей, в частности спортивного блока, посвященного смешанным единоборствам. Комментарии на спортивных новостных страницах в социальных сетях не рассматривались лингвистами с точки зрения особенностей структуры и реализации коммуникативной категории толерантности, не становились объектом исследования диссертационных исследований. При этом социальным сетям характерно широкое использование всех возможностей современных информационных технологий. Как представляется, они выступают в качестве модели организации мирового информационного пространства. Из этого следует,

что проблема выстраивания толерантных отношений между пользователями социальных сетей будет оставаться актуальной.

Объектом исследования является коммуникативная толерантность в комментариях пользователей социальных сетей, посвященных смешанным единоборствам. Предметом исследования выступают особенности структуры и способы реализации коммуникативной толерантности в комментариях пользователей новостных страниц социальных сетей, посвященных смешанным единоборствам. Материалом для исследования послужили 11 тыс. комментариев к новостным публикациям на данных страницах, периода 2017–2021 гг. (комментарии представлены в авторском виде).

Цель работы – выявление когнитивной структуры толерантности на страницах в социальных сетях, посвященных смешанным единоборствам.

Поставленная цель требует решения ряда задач:

- 1) описать толерантность как коммуникативную категорию, определяющую и организующую процесс речевого общения;
- 2) рассмотреть интолерантность как условие возникновения речевой толерантности в рамках оппозиции «свой–чужой»;
- 3) описать толерантность как стратегию, функционально обеспечивающую эффективность коммуникации;
- 4) провести анализ когнитивной структуры коммуникативной толерантности.

Гипотеза данного исследования состоит в следующем: мы предполагаем, что когнитивная структура толерантности формируется в процессе общения между собеседниками, которые воспринимают друг друга в рамках оппозиции «свой–чужой». В рамках этой структуры интолерантность будет выступать исходным условием для возникновения толерантного отношения. Когнитивная структура толерантности также будет включать в себя личные убеждения, установки и знания собеседников, а также конкретные способы конструирования толерантности, направленные на гармонизацию оппозиции «свой–чужой».

Рассматривая коммуникативные категории, участвующие в организации и (или) регулировании коммуникативного процесса, исследователи понимают под ними категории речевого общения, которые влияют на процесс коммуникации тем или иным способом: организуют и регулируют речевое общение, отражают представления участников коммуникации об основных правилах ее осуществления. Основной признак коммуникативных категорий – роль и степень участия категорий в коммуникативном процессе – представляет собой функциональный признак [1, 2]. Коммуникативная категория толерантности определяет процесс речевого общения, являясь непосредственно организатором коммуникативного процесса, оказывает существенное воздействие на формирование коммуникативной структуры речевого дискурса, определяет характер протекания речевого общения и имеет полярный член [2–5].

Толерантность как коммуникативная категория характеризуется её диалогическим характером, т.е. данная коммуникативная категория оказыва-

ется востребованной субъектом для его взаимодействия с другими субъектами [3, 4, 6]. Поскольку коммуникативные категории не только организуют и регулируют речевое общение, но и отражают представления участников коммуникации об основных правилах ее осуществления, то следует рассматривать толерантность в качестве стратегии речевого поведения, подразумевающей поиск компромисса и предупреждение конфликтов [7, 8]. Толерантность как коммуникативная стратегия представляет собой «некую общую инструкцию для каждой конкретной ситуации интерпретации», что характеризует коммуникативную стратегию согласно Т.А. ван Дейку [9. С. 274].

Осуществляемый нами подход к исследованию коммуникативной толерантности актуализирует основные положения когнитивной модели коммуникации Т.А. ван Дейка, в соответствии с которой «когнитивная модель обработки текстово-речевых материалов или дискурса направлена на выяснение природы ментального образа ситуации» (как называет их сам автор концепции), «необходимого в качестве основы интерпретации текста, а также отвечает на вопросы, каким образом данные ситуационные модели функционируют и как они изменяются» [9. С. 103]. В результате нами была разработана когнитивная структура толерантности, или ментальный образ ситуации, определяемая как проявление коммуникативной толерантности.

Пытаясь обновить понятие толерантности, в 2020 г. группа шведских исследователей определила её как ценностную ориентацию на различие. Были определены три выражения толерантности: принятие, уважение и признание разнообразия [10. Р. 103]. Эти определения выведены на основе исследования немецкого философа Райнера Форста [11], согласно которому существуют разные виды толерантности, каждый из которых может присутствовать в обществе одновременно. Первый и второй виды толерантности по Форсту родственны тем, что толерантность рассматривается как «разрешительное» [11] отношение между различными группами: группы «своих» и «чужих» не мешают друг другу, принимая сосуществование друг друга. Разница между первой и второй концепцией толерантности зависит от устройства общества. В первой концепции Р. Форста группы обладают неравной властью, т.е. в обществе существует явное большинство, которое может толерантно относиться к меньшинству. В нашем исследовании неравная власть групп не имеет значения для определения толерантности. В среде боевых видов спорта большинством будут являться зрители-фанаты различных бойцов, но администраторы / редакторы публичных страниц будут обладать большой властью (способностью удалять комментарии пользователей). Таким образом, данному исследованию подходит второй вариант концепции толерантности Р. Форста, в котором силы разных групп примерно равны. Для второго определения толерантности важно объединение различных структур общества. Таким образом, основным выражением толерантности было признано принятие различий между группами и их сосуществование [10. Р. 104].

Стоит отметить, что характер речевого общения в социальных сетях зависит от принадлежности коммуникаторов к той или иной группе в соответ-

ствии с оппозицией «свой–чужой», которая определяет форму речевого взаимодействия, процесс восприятия и интерпретации сообщений коммуникаторами на страницах, посвященных смешанным единоборствам. В основе коммуникации в интернете лежит интерактивность, т.е. постоянная способность и готовность войти в диалог [12. С. 20]. Интерактивность позволяет получить моментальную реакцию на публикации в интернете [13. С. 61]. В современном мире присутствуют все возможные факторы разделения на «своих» и «чужих», в том числе и разделение на «своих» и «чужих» среди спортивных фанатов, что делает оппозицию многоаспектной, неустойчивой и ситуативной. Спортивная среда определяется соперничающим отношением фанатов разных команд и спортсменов друг к другу. Это выражается и в речи спортивных фанатов, которая часто не соответствует принципам коммуникативной толерантности. Фанаты спорта используют оскорбительную лексику для того, чтобы задеть своих оппонентов по дискуссии [14].

Толерантность может возникнуть именно при наличии «своего» и «чужого». Коммуникативная толерантность, как понятие относительное, может быть познано только через сопоставление со своим антиподом – интолерантностью и предполагает согласование «своего» и «чужого».

Стратегии в лингвопрагматике

Любая коммуникация носит стратегический характер, даже когда она осуществляется автоматически, без осознания стратегии. В соответствии с Т.А. ван Дейком стратегия представляет собой «общую организацию некоторой последовательности действий и включает цель или цели взаимодействия» [9. С. 124]. По О.С. Иссерс стратегия представляет собой когнитивный план общения, с помощью которого контролируется принятие оптимального решения коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера [15. С. 100].

С позиций прагмалингвистического подхода стратегия определяется как «совокупность речевых действий» [16. С. 58], «цепочка решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств» [17. С. 192]. По степени функциональной значимости стратегии делятся на общие (наиболее значимые) и вспомогательные (способствующие эффективной организации взаимодействия) [15. С. 106].

Рассматриваемая нами коммуникативная толерантность, согласно классификации стратегий О.С. Иссерс, выступает в качестве коммуникативной стратегии, функционально обеспечивающей бесконфликтное достижение коммуникативной цели – общения, и способствует эффективности коммуникации. Толерантность используется в процессе речевого общения «в соответствии с принципом кооперации для установления реальных или мнимых гармоничных межличностных отношений и поддержания коммуникативного баланса между собеседниками» [18. С. 10].

Проявление толерантности связано с преодолением негативной оценки к чужому и проявляется как осознание всей ситуации в целом, определяет

направление развития и организацию воздействия в интересах достижения цели общения – предотвращению конфликтов и достижению эффективности коммуникации. Следуя градации О.С. Иссерс [15, С. 106], мы можем отнести толерантность к вспомогательной прагматической стратегии, способствующей изменению модели восприятия ситуации адресатом. Толерантность как коммуникативная стратегия призвана обеспечить комфортную коммуникацию, проявляющуюся в стремлении найти с «чужим» компромисс.

Если рассматривать понятие толерантности в рамках аксиологии, коммуникативная толерантность проявляется как ценностно-позитивный феномен. Это исходит из положения о том, что категории оппозиции «свой–чужой», «свойственность» и «чуждость» наделены как положительной, так и отрицательной оценочностью, а именно оценочной моделью «свое – хорошо, чужое – плохо». Поскольку человеку присуще воспринимать «свое» как естественное, правильное, нормальное и, наоборот, «чужое» как неестественное, ненормальное, неправильное [19. С. 6].

Трансформация оценочности в оппозиции «свой–чужой» в социальных сетях

Поскольку толерантность проявляется у субъекта при трансформации отношения «чужой» на «свой», модель «свой значит хороший, чужой значит плохой» теряет свою универсальность. «Чужой» начинает наделяться положительной оценкой при проявлении толерантности. Мы можем увидеть подобный пример в следующем комментарии: автор обозначает «своего» бойца (на что указывает выражение *Я за Регбиста*, демонстрирующее поддержку спортсмена по прозвищу «Регбист»). Затем комментатор наделяет «чужого» бойца положительными качествами, демонстрируя свое уважение к нему (*но стоит признать Тарасов достоин уважения*) и оправдывая его перед остальными участниками диалога в социальной сети:

«Я канешно за Регбиста в его бою с Артемом, но стоит признать тарасов достоин уважения. Один пришел на пресуху в топ дог и держался достойно, хотя ему задавали периодически провакационные вопросы, и провоцировали. Нормальный пацан Артем, че так ненавидите то его?» (страница «Best of MMA»).

Чужой перестает считаться «чужим» при позиционировании субъектом толерантности и трансформируется в следующие виды отношений:

1) «Другой». В случае подобного отношения подписчики страницы, посвященной боевым видам спорта, признают, что являются антифанатами определенных бойцов (на это указывают следующие выражения в данных комментариях: *хоть я считаю нытиком; хоть Сехудо мне не нравится; хоть я и Диаса не люблю*). При этом комментаторы отмечают заслуги «чужих» бойцов, отмечая их спортивные результаты (*но надо признать что он на голову выше!*), либо правоту в отдельных ситуациях (*но он прав*). Также

комментатор признает правоту фаната бойца Джона Джонса (*но тут ты прав на все сто*):

«хоть я считаю Джонса нытиком, но тут ты прав на все сто. Он разносил всех и вся и делал это очень зрелищно» (страница «My Life is MMA»);

«Хоть Сехудо мне не нравится, но он прав» (страница «Best of MMA»);

«...хоть я и Диаса не люблю, но надо признать что он на голову выше!» (страница «Best of MMA»).

Ниже приводятся другие примеры – комментарии авторов, которые по-прежнему признают, что не являются фанатами определенных бойцов, но комментаторами выражается смягченная или нейтральная оценка этих бойцов как спортсменов в целом, а также выражается признание в правоте бойцов в отдельных ситуациях либо высказываниях. Автор следующего комментария выражает толерантность к Камару Усману, фанатом которого он не является (что подчеркивает фраза *хоть я не фанат Усмана*). Далее комментатор признает частоту выхода этого спортсмена на поединки и ставит ему это в заслугу (*но регулярно дерется только он*).

«Правильно все сказал, хоть я не фанат Усмана, но в этом дивизионе дерется регулярно только он, а претенденты сидят ждут своей очереди, ради приличия пусть Колби пройдет того же Висенте Люке» (страница «Best of MMA»).

Следующие комментаторы также не являются фанатами Камару Усмана (что показывают выражения *хоть и хочется его подвинуть, хоть я и за хорке*). Но затем они признают спортивные достижения Усмана, используя комплименты, и призывают уважать его успехи:

«Хоть и хочется его подвинуть, но стоит признать на данный момент самый доминирующий чемпион» (страница «Best of MMA»);

«ну Усман ваще зверь, время контроля со стороны соперника это же просто уникам, хоть я и за хорке но стоит уважать камару» (страница «Best of MMA»).

В нижеприведенном примере фанаты бойца Конора МакГрегора (на что указывают высказывания *я хоть и фанат Конора* и *Хоть я его фанат*) признают спортивные достижения его соперников – Макса Холлоуэя, в отношении которого используется комплимент, и Хабиба Нурмагомедова, чью победу признает подписчик:

«я хоть и фанат Конора, но Макс по праву является величайшим полупрофессионалом в истории. И как бы не хотелось этого признавать, но в полупрофессиональном нынешний Макс сожрет Конора с потрохами» (страница «Best of MMA»);

«разве я оправдываю конора ? Хоть я его фанат, но Хабиб был сильнее в ту ночь и это факт» (страница «Best of MMA»).

В следующем комментарии пользователь, болеющий за бойца Умара Нурмагомедова (*больше за Умара*), признает превосходство его соперника:

«мне больше Мераб понравился по сумме всего боя! Может Умару рано его было давать, я не фанат Мераба, больше за Умара но какой то он сырой был» (страница «Best of MMA»).

2) «Друг». В случае подобного отношения подписчики страницы, посвященной боевым видам спорта, меняют свою нейтральную или негативную оценку спортсменов на положительную, уже не выделяя того факта, что в целом они не являются фанатами оцененного ими бойца.

В следующем примере комментатор отмечает изменение своего отношения к бойцу Колбу Ковингтону с нейтрального на положительное, прямо говоря об этом:

«Раньше скорее нейтрально относился к Колби, а теперь прям вызывает симпатию» (страница «Best of MMA»).

Следующий подписчик страницы «Best of MMA» напрямую подчеркнул изменившуюся (*всегда нейтрально, но щас зауважал*) оценку бойца Джастина Гейджи после того, как тот объявил о продаже своих вещей для благотворительности. Эта новость вызвала положительные комментарии от сообщества зрителей ММА (*Человечище, сильно*), в том числе влияя на их общую оценку этого бойца:

«Всегда нейтрально относился к нему, но щас зауважал» (страница «Best of MMA»).

Оценочность при этом изменяется: возникающее отношение к «другому», как показывает анализ, приобретает смягченную эксплицитную отрицательную или нейтральную оценку, а к «другу» – положительную оценку. Необходимо отметить, что во всех трех случаях изменения негативной оценочности толерантность проявляется как соблюдение приличий, языковых и речеповеденческих норм и ориентация на кооперацию, вежливость. Все вышеуказанные примеры демонстрировали нам изменение оценки в соответствии с мнением большинства пользователей, даже если это мнение представителей «другого» лагеря (фанатов других бойцов). Таким образом, даже пользователи, не являющиеся фанатами бойцов, чье поведение воспринималось большинством подписчиков данных страниц в положительном свете, не вступали в конфликт с «чужим» лагерем. Тем не менее, утверждать, что возникающее эксплицитное толерантное отношение у субъекта носит искренний характер, не представляется возможным.

Таким образом, прагматическая задача коммуникативной толерантности заключается в ретушировании имплицитной языковой агрессии или смягчении эксплицируемой негативной оценки. Так, мы можем говорить об имплицитной интолерантности, которая может быть скрыта таким образом, чтобы не вызвать резко отрицательную реакцию со стороны «других» или нейтральных участников общения, не спровоцировать агрессию и добиться поставленной цели. В этом случае субъект интолерантности стремится скрыть свое интолерантное негативное отношение и представить это неприятие в «дозированном», предусмотренном нормами языка виде. Речь идет об имплицитной интолерантности, проявляемой в форме коммуникативной толерантности.

Иными словами, толерантность, с одной стороны, проявляется как стратегия вуалирования, которая позволяет притушить, сделать менее очевидным неприятие иного взгляда. С другой стороны, толерантность выступает

в качестве переходного состояния [20. С. 257] от конфликта (эксплицитной интолерантности), который может вылиться в насилие, к взаимопониманию и сотрудничеству.

Проявление толерантности происходит в соответствии с толерантной интенцией, под которой мы понимаем намерение адресанта выразить толерантно-значимый смысл с помощью различных языковых средств. Использование таких средств приводит к желаемому результату – созданию комфортной атмосферы общения в социальных сетях в соответствии с внешним проявлением принципа кооперации. В зависимости от ситуации общения, социального статуса собеседников и интенции адресанта способы выражения могут быть различными [21].

В соответствии со стратегией толерантности говорящий накладывает определенные ограничения на выражаемое содержание, коммуникативные ходы, языковое оформление. Движущей силой коммуникативного акта на пути к поставленной говорящим цели выступает интенция (= коммуникативное намерение) [22. С. 19]. Интенция выступает способом превращения коммуникативной стратегии в коммуникативную тактику [22. С. 19]. Здесь необходимо отметить, что интенция может носить скрытый и манифестируемый характер.

Вслед за А.В. Радюк, выделяющей функционально-прагматические свойства кооперативных речевых стратегий и тактик, мы утверждаем, что коммуникативная толерантность и тактики, посредством которых она реализуется, обнаруживают такие функционально-прагматические свойства, как:

- целенаправленность и интенциональность, поскольку коммуникант имеет интенцию реализовать цель – общение – в процессе взаимодействия;
- гибкость, так как преобразование смысла в языковую форму представляет собой подстройку под конкретную коммуникативную ситуацию;
- эффективность, поскольку усилия коммуниканта направлены на успешную коммуникацию, которой также способствуют кооперация и компромисс [21].

В качестве конституирующих признаков коммуникативной толерантности выступает ее когнитивная природа. Стратегии принято рассматривать как когнитивные инструменты интерпретации дискурса [23].

Таким образом, с точки зрения лингвистической прагматики толерантность является коммуникативной стратегией, способствующей эффективному достижению коммуникативной цели путем преодоления исходных негативных интенций адресанта или смягчения эксплицируемой отрицательной оценки. Толерантность как коммуникативная стратегия призвана обеспечить комфортную коммуникацию, проявляющуюся в стремлении найти с «чужим» компромисс. На страницах, посвященных смешанным единборствам, чужой перестает считаться «чужим» при позиционировании субъектом толерантности и трансформируется в «другого» и «друга».

Когнитивная структура толерантности

Анализируя условия появления толерантности, интолерантность, как представляется, может рассматриваться в качестве модели психосоциального диссонанса [24. С. 17].

Психосоциальный диссонанс проявляется как несоответствие представлений субъектов взаимодействия приличиям, языковым и речеповеденческим нормам, которые сформировались в определенной среде социального взаимодействия данных субъектов. В результате между субъектами возникает психическая напряженность, приводящая либо к сотрудничеству, либо к противопоставлению субъектов взаимодействия, которое может повлечь за собой комплексы, стрессы и психосоматические расстройства [25. С. 105].

Итак, интолерантность, как эксплицитная, так и имплицитная, проявляемая к чужому, порождает диссонанс, поскольку в соответствии с приличиями, языковыми и речеповеденческими нормами предусматривается толерантное взаимодействие между субъектами. Согласно теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера, «возникновение диссонанса, порождающего психологический дискомфорт, будет мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и по возможности достичь гармонии». Более того, в случае возникновения диссонанса, индивид будет стремиться к его уменьшению [26. С. 19]. Соответственно, диссонанс можно определять как исходное условие, приводящее к действиям, направленным на его уменьшение. Так, «когда диссонанс возникает между когнитивным элементом, относящимся к знанию относительно окружающей среды, и поведенческим когнитивным элементом, то он может быть устранен <...> посредством изменения поведенческого элемента таким образом, чтобы он стал консонантным (толерантным – в нашем случае) с элементом среды» [26. С. 34].

Для примера подобного изменения поведения можно выделить следующий диалог в социальной сети. Комментатор выделил недостатки бойца Конора МакГрегора, заявившего о своем возвращении в спорт:

«2 пути: избить старика и заявить о величии или выйти против околота и уснуть в 1-2 раунде» (страница «Best of MMA»).

Один из фанатов бойца задает уточняющий вопрос, показывая свое несогласие с такой точкой зрения:

«и часто ли Конор засыпал в 1-2 раунде, или вообще в каком-либо раунде?» (страница «Best of MMA»).

Получив ответ от другого комментатора, фанат Конора МакГрегора вновь повторяет уточняющий вопрос (*а засыпал когда?*):

«выдыхался после 1-2 уже»;

«выдыхался, а засыпал когда?» (страница «Best of MMA»).

Уточняющие вопросы заставляют других пользователей согласиться с фанатом бойца, либо прояснить свою точку зрения (*не значит в буквальном смысле*):

«пока не засыпал»;

«Что он засыпает не значит в буквальном смысле, а речь про то, что проигрывает все бои подряд»;

«он никогда не засыпал, ты прав» (страница «Best of MMA»).

Необходимо отметить, что изменение речевого поведения субъектов в социальных сетях в пользу толерантности может противоречить их установкам, когда проявление ими толерантного отношения не имеет ничего общего с их истинными интолерантными воззрениями. Это, в соответствии с Л. Фестингером, «сопровождается в психологическом плане возникновением диссонанса, а вслед за ним – разнообразных проявлений стремления к его уменьшению» [26. С. 92]. Одними из таких форм снятия «напряжения», вызванного несоответствием интолерантной установки субъекта и необходимостью проявления вынужденного толерантного поведения, как представляется, выступают троллинг и флейминг, когда субъект прибегает к игровой стратегии. В данном случае уменьшение имплицитной интолерантности осуществляется с помощью:

1) троллинга = выкладывания в социальных сетях провокационных комментариев с целью вовлечения собеседников в коммуникативную игру [27. С. 187],

а также

2) флейминга = использования диалога, смыслом которого является полемический процесс, иными словами, спор ради общения, выполняющий фатическую функцию [28. С. 114], поскольку завязавшийся спорный разговор характеризуется нулевой информативностью.

В следующем примере тролль-комментария использован прием насмешки, которым тролль пытается показать, насколько унижительным является поражение бойца (*Проиграл деду*):

«Лучший тяж в истории говорили они... Проиграл деду который выступает на несколько весовых ниже)))» (Страница «Best of MMA»).

Провокационный комментарий вызвал следующую реакцию подписчиков страницы «Best of MMA», использовавших прием обвинения и снятия ответственности с помощью обращения к авторитетному источнику:

«Федя в бою весил 103к, Хендо 97кг ростом примерно одинаковые 182 181. А возраст чепуха это все! Да и бои равный был! Сам Хендо тоже в нокдаун ушел во время боя! А у вас есть супертяж? Высокого уровня? Так что закрой свои грязный рот провакатор!!!»;

«В смысле? Но так считает весь мир смешанных единоборств, посмотри интервью бойцов, лучших в мире, все они говорят что Федя, величайшей! И журналисты тоже такого мнения» (Страница «Best of MMA»).

Таким образом, мы можем утверждать, что интолерантность может выступать в качестве начальной стадии проявления коммуникативной толерантности. Троллинг и флейминг могут служить попыткой выхода из диссонанса, порожденного интолерантностью, с помощью игровой формы, специфической для коммуникации в интернете. Комментаторы, использующие

троллинг, не стремятся согласовывать позиции с окружающими, чтобы прийти к толерантности.

Можно констатировать, что когнитивная структура толерантности, или ментальный образ ситуации, определяемой как проявление коммуникативной толерантности, включает в себя несколько компонентов: условие возникновения отношения толерантности (изначальная интолерантность); собеседников, которые воспринимают друг друга как представителей разных полюсов оппозиции «свой–чужой»; убеждения собеседников, их мнения и установки, относящиеся к внутренней когнитивной информации, а также более общие знания о конструировании толерантного общения (такую информацию, согласно мнению Т.А. ван Дейка и В. Кинча, можно рассматривать в качестве «когнитивных предпосылок (presuppositions) конструирования когнитивной модели», в нашем случае, модели проявления коммуникативной толерантности); способы конструирования отношения толерантности как средства гармонизации / уравнивания оппозиции «свой–чужой».

В следующем примере можно увидеть, как реагируя на новость об анонсе следующего поединка польского бойца Яна Блаховича, один из комментаторов в социальной сети «ВКонтакте» обозначил свою интолерантность к нему:

*«Я надеюсь Мага **отправит его на пенсию. Ноль защит титула, а понтов будто 13 лет пояс защищал**»* (страница «Best of MMA»).

Подписчик из «чужого» лагеря зрителей спорта ответил на этот комментарий (выделив ошибку в комментарии *ноль защит титула*):

«одна защита есть» (страница «Best of MMA»).

Первый комментатор попытался защитить свои убеждения и продолжил принижать заслуги Блаховича:

«ну такая себе, формально есть. На деле нет» (страница «Best of MMA»).

Это вызвало ответный комментарий:

«В смысле?)) Вышел против одного из лучших на данный момент и защитил титул став первым кто его победил» (страница «Best of MMA»).

На каждый комментарий, направленный против Блаховича, первый комментатор получает ответные аргументы сообщества:

«Израиль вышел хз зачем без подготовки, набора веса, просто в 85 килограмм против 100-110, и тот просто лег на него и лежал 15 минут»;

«какой лежал? У Блаховича контроля минуты четыре пять всего. Он и в стойке его по статистике перебил и защищался прекрасно» (страница «Best of MMA»).

Диссонанс при продолжении диалога заставляет первого комментатора смягчить позицию, когда он задает вопрос собеседнику (*есть статистика боя?*) и начинает показывать первое согласие с аргументами сообщества (*ну не большое есть да*):

«есть статистика боя? На сколько Я помню там со второго раунда он просто лег на него, даже без акцентированной работы»;

*«по ацц ударам небольшое но **преимущество Блаховича**»;*

«ну не большое есть да. Учесть что дрался с тем кто легче на 10+ слабовато» (страница «Best of MMA»).

В итоге давление сообщества вынуждает первого комментатора сконструировать толерантный ответ:

«да какая разница кто сколько весил если это статистика по ударке и напротив тебя лучший ударник всех весовых на тот момент, который ещё и больше по антропометрии»;

«соглашусь с тобой. Я даже сказать как то не могу что было не так. Ты Меня убедил. Я даже бой пересмотрел» (страница «Best of MMA»).

Мы вслед за Т.А. ван Дейком и В. Кинчем полагаем, что собеседники в данном случае обладают тремя видами данных, а именно: информацией о самих событиях, обсуждаемых коммуникантами, информацией о ситуации или контексте (слушающий не просто воспринимает и пытается сконструировать свое представление об обсуждаемом событии в социальных сетях, но сопоставляет эту интерпретацию с представлением о том, что намеревался сказать ему говорящий) и информацией о когнитивных пресуппозициях [23].

Так, «говорящий принимает участие в социальном (в данном случае – речевом) акте, утверждающем что-то или предупреждающем слушателя о чем-то». Формы и интерпретации высказывания обусловлены функцией данного речевого акта. [23]. Т.А. ван Дейк и В. Кинч усматривают в этом прагматическое основание. «Одно из когнитивных следствий этого основания состоит, например, в том, что человек, интерпретирующий высказывание, конструирует также представление соответствующих речевых актов, приписывая определенную функцию или категорию действия речевому сообщению, а отсюда и говорящему» [23]. В этом случае слушатель оценивает высказывание собеседника с точки зрения его предназначенности к выполнению определенных прагматических функций: высказывание может быть прагматически приемлемо в качестве речевого акта, только если контекстуальные условия соответствуют некоторым текстуальным свойствам [23].

Соответственно, интерпретация высказывания «как определенного речевого акта (или серии речевых актов) является частью интерпретации взаимодействия участников коммуникации в целом. В процессе общения и у говорящего, и у слушающего есть свои мотивы, цели и намерения; то же самое относится и к другим действиям, осуществляемым в данной ситуации, с которыми связаны речевые действия. Отсюда следует, например, что представление события в памяти зависит от предположений слушающего о целях и других мотивациях говорящего, а также от собственных целей и мотиваций слушающего» [23].

Наконец, процесс взаимодействия участников коммуникации проявляется в качестве части социальной ситуации. Участники речевого общения могут исполнять определенные функции или роли; могут существовать различия в обстановке; могут иметь место особые правила, условия или стратегии, контролирующие взаимодействие в такой ситуации.

Таким образом, интолерантность, проявляемая к чужому, порождает диссонанс, поскольку языковые и поведенческие нормы предусматривают

толерантное взаимодействие между субъектами. Под давлением высказываний других участников сообщества пользователи социальных сетей могут менять свое поведение в сторону толерантного, несмотря на то, что их воззрения остаются прежними. Использование троллинга и флейминга может служить попыткой выхода из диссонанса, порожденного интолерантностью с помощью игровой формы, специфической для коммуникации в интернете.

В отношении дальнейших перспектив исследования плодотворным видится использование разработанных методик анализа коммуникативной толерантности в других сообществах социальных сетей. Ещё одно возможное направление – дальнейшее исследование коммуникативных тактик, используемых для реализации коммуникативной толерантности как стратегии, функционально обеспечивающей эффективность коммуникации.

Выводы

1. Характер речевого общения в социальных сетях зависит от принадлежности коммуникаторов к той или иной группе в соответствии с оппозицией «свой–чужой», которая определяет форму речевого взаимодействия, процесс восприятия и интерпретации сообщений коммуникаторами на страницах, посвященных смешанным единоборствам.

2. Коммуникативная толерантность выступает способом согласования «своего» и «чужого», которое проявляется посредством изменения отношения к чужому как объекту негативного отношения или интенциональной интолерантности на нейтральную или положительную оценочность, свойственную для отношения к «своему» вследствие совпадения аксиологических приоритетов коммуникантов, их психологических и эмоциональных установок.

3. Толерантность выступает коммуникативной стратегией, функционально способствующей эффективному достижению коммуникативной цели путем преодоления исходных негативных интенций адресанта или смягчения эксплицируемой отрицательной оценки.

4. Условием возникновения коммуникативной толерантности является ситуация эксплицитной интолерантности, изначально встроенная в отношения между собеседниками в соответствии с их принадлежностью к той или иной группе (сообществу) в социальных сетях.

5. Когнитивная структура толерантности включает в себя условие возникновения отношения толерантности (изначальную интолерантность), собеседников, воспринимаемых друг другом как представителей разных полюсов оппозиции «свой–чужой», убеждения собеседников, их мнения и установки, относящиеся к внутренней когнитивной информации, а также способы конструирования отношения толерантности как средства гармонизации / уравнивания бинарной оппозиции «свой–чужой».

Список источников

1. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория / науч. ред. В.И. Шаховский. Волгоград : Перемена, 2010. 322 с.
2. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. 213 с.
3. Шаповалова Т.А. Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 23 с.
4. Шамсутдинова Е.Ю. Толерантность как коммуникативная категория (лингвистический и лингводидактический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
5. Селютин А.А. Коммуникативная толерантность в виртуальном пространстве (на примере анализа текстов социальных сайтов) : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 247 с.
6. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 293 с.
7. Романова Т.В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2015. Т. 2, № 52. С. 39–49.
8. Фокина М.А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 2016. 24 с.
9. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. ; сост. В.В. Петрова ; под ред. В.И. Герасимова ; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М. : Прогресс, 1989. 300 с.
10. Hjerm M., Eger M.A., Bohman A., Fors Connolly F. A New Approach to the Study of Tolerance: Conceptualizing and Measuring Acceptance, Respect, and Appreciation of Difference // Social Indicators Research. 2020. № 147. P. 897–919.
11. Forst R. «Toleration» In The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2017 Edition / ed. by E.N. Zalta. 2017. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/toleration/> (дата обращения: 01.12.2021).
12. Кожеко А.В. Эпистолярные жанры интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостиллистический аспекты (на материале русскоязычных текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 320 с.
13. Чернышова Т.В., Чернышов Ю.Г. Интерпретирующая деятельность автора и адресата в современных СМИ (на материале онлайн-публикации газеты «Коммерсантъ») // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 60–72.
14. Tarmaeva V.I., Narchuk V.S. Trolling on social media pages dedicated to MMA // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. EpSBS. Vol. 97. TILTM 2020. Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication. P. 338–345. doi: 10.15405/epsbs.2020.12.02.45
15. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е. изд. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
16. Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. 2001. № 3. С. 56–65.
17. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
18. Ружникова О.М. Актуализация высказываний согласия в диалогическом дискурсе: на материале современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2004. 24 с.
19. Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 28 с.

20. Перцев А.В. Толерантность как практическая философия педагогики / Н.Б. Бурковская, О.Б. Ионайтис, А.Г. Кислов и др. ; отв. ред. А.В. Перцев. Екатеринбург : Полиграфист, 2005. 360 с.

21. Радюк А.В. Кооперативные коммуникативные стратегии и тактики как средства гармонизации английского делового дискурса // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 236–239.

22. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 316 с.

23. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 153–212. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm> (дата обращения: 01.12.2021).

24. Васина В.В., Халитов Р.Г. Психосоциальный диссонанс и профилактика конфликтов // Социальный мир человека. Вып. 4 : материалы IV Всерос. конф. с междунар. участием «Человек и мир: психология конфликта и риска инноваций», Ижевск, 28–30 июня 2012 г. / под ред. Н.И. Леонова. Ижевск : ERGO, 2012. С. 16–19.

25. Васина В.В. Психология (психосоциальный диссонанс и фасилитация социального взаимодействия) инклюзии в культуре народов Поволжья // Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова. 2019. Т. 4, № 1 (13). С. 98–122.

26. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / [пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешевой]. М. : Издательство «Э», 2018. 256 с.

27. Абдуллина Л.Р., Артамонова Е.В. Особенности троллинга в интернет-комментариях к новостной статье (на материале французского языка) // Вестник ВятГУ. 2017. № 11. С. 185–188.

28. Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: Речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. № 2. С. 109–116.

References

1. Panchenko, N.N. (2010) *Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Reliability as a Communicative Category]. Volgograd: Peremena.

2. Sternin, I.A. & Shilikhina, K.M. (2001) *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative Aspects of Tolerance]. Voronezh: Voronezh State University.

3. Shapovalova, T.A. (2013) *Kommunikativnaya kategoriya tolerantnosti i ee realizatsiya v sovremennom politicheskom diskurse* [Communicative category of tolerance and its realization in modern political discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

4. Shamsutdinova, E.Iu. (2006) *Tolerantnost' kak kommunikativnaya kategoriya (lingvisticheskiy i lingvodidakticheskiy aspekt)* [Tolerance as a communicative category (linguistic and linguodidactic aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

5. Selutin, A.A. (2009) *Kommunikativnaya tolerantnost' v virtual'nom prostranstve (na primere analiza tekstov sotsial'nykh saytov)* [Communicative tolerance in virtual space (based on analysis of social sites texts)]. Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.

6. Chernyshova, T.V. (2005) *Teksty SMI v zerkale yazykovogo soznaniya adresata* [Mass Media Texts in the Mirror of the Addressee's Language Consciousness]. Barnaul: Altai State University.

7. Romanova, T.V. (2015) *Tolerantnost' i politicheskaya korrektnost': analiticheskiy obzor sovremennogo sostoyaniya problemy (lingvisticheskiy aspekt)* [Tolerance and political correctness: analytical review of the current state of the problem (linguistic aspect)]. *Politicheskaya lingvistika*. 52 (2). pp. 39–49.

8. Fokina, M.A. (2016) *Fenomen pretsedentnosti v rossiyskom politicheskom diskurse* [Phenomenon of precedentness in Russian political discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

9. van Dijk, T.A. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Moscow: Progress.

10. Hjerem, M. et al. (2020) A new approach to the study of tolerance: conceptualizing and measuring acceptance, respect, and appreciation of difference. *Social Indicators Research*. 147. pp. 897–919.

11. Forst, R. (2017) Toleration. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2017 Edition*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/toleration/> (Accessed: 01.12.2021).

12. Kozheko, A.V. (2020) *Epistol'yarnye zhanry internet-kommunikatsii: lingvopragmaticheskiy i lingvistilisticheskiy aspekty (na materiale russkoyazychnykh tekstov)* [Epistolary genres of Internet communication: linguopragmatic and linguostylistic aspects (based on Russian-language texts)]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

13. Chernyshova, T.V. & Chernyshov, Yu.G. (2020) Interpretative activities of the author and the addressee in modern media (on the material of online publications of the komsomol newspaper). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 60–72. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/456/6

14. Tarmaeva, V.I. & Narchuk, V.S. (2020) Trolling on social media pages dedicated to MMA. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. EpSBS*. 97. pp. 338–345. doi: 10.15405/epsbs.2020.12.02.45

15. Issers, O.S. (2008) *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. 5th ed. Moscow: Izdatel'stvo LKI.

16. Trufanova, I.V. (2001) O razgranichenii ponyatii: rechevoy akt, rechevoy zhanr, rechevaya strategiya, rechevaya taktika [On delineation of concepts: speech act, speech genre, speech strategy, speech tactic]. *Filologicheskie nauki*. 3. pp. 56–65.

17. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow: ITDGK "Gnozis".

18. Ruzhnikova, O.M. (2004) *Aktualizatsiya vyskazyvaniy soglasiya v dialogicheskom diskurse: na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka* [Actualization of agreement utterances in dialogic discourse: based on modern English language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Arkhangelsk.

19. Alieva, T.V. (2013) *Yazykovye sredstva realizatsii kontseptual'noy oppositsii "svoe – chuzhoy" v britanskoy politicheskoy diskurse* [Language means of realizing the conceptual opposition "own – alien" in British political discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

20. Peretsev, A.V. (2005) *Tolerantnost' kak prakticheskaya filosofiya pedagogiki* [Tolerance as a Practical Philosophy of Pedagogy]. Yekaterinburg: Poligrafist.

21. Radyuk, A.V. (2013) Kooperativnyye kommunikativnyye strategii i taktiki kak sredstva garmonizatsii angliyskogo delovogo diskursa [Cooperative communicative strategies and tactics as means of harmonizing English business discourse]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 1 (28). pp. 236–239.

22. Klyuev, E.V. (2002) *Rechevaya kommunikatsiya: uspekhnost' rechevogo vzaimodeystviya* [Speech Communication: Success of Speech Interaction]. Moscow: RIPOL KLASSIK.

23. Dijk, T.A. van. & Kinch, V. (1988) Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for understanding coherent text]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnyye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Cognitive Aspects of Language]. Vol. 23. Moscow: Progress. pp. 153–212. [Online] Available from: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm> (Accessed: 01.12.2021).

24. Vasina, V.V. & Khalitov, R.G. (2012) [Psychosocial dissonance and conflict prevention]. *Sotsial'nyy mir cheloveka* [Social World of Man]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Vol. 4. Izhevsk. 28–30 June 2012. Izhevsk: ERGO. pp. 16–19. (In Russian).

25. Vasina, V.V. (2019) Psihologiya (psikhosotsial'nyy dissonans i fasilitatsiya sotsial'nogo vzaimodeystviya) inklyuzii v kulture narodov Povolzh'ya [Psychology (psychosocial dissonance and facilitation of social interaction) of inclusion in the culture of the Volga peoples]. *Inklyuziya v obrazovanii*. 1 (13). pp. 98–122.

26. Festinger, L. (2018) *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [A Theory of Cognitive Dissonance]. Translated from English by A. Anistratenko & I. Znaesheva. Moscow: Izdatel'stvo "E".

27. Abdullina, L.R. & Artamonova, E.V. (2017) Osobennosti trollinga v internet-kommentariyakh k novostnoy stat'e (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Features of trolling in Internet comments to a news article (based on French language)]. *Vestnik ViatGU*. 11. pp. 185–188.

28. Vorontsova, T.A. (2016) Trolling i fleyming: Rechevaya agressiya v internet-kommunikatsii [Trolling and flaming: speech aggression in Internet communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"*. 2. pp. 109–116.

Информация об авторах:

Тармаева В.И. – д-р филол. наук, ведущий специалист многопрофильного центра экспертиз, профессор Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия). E-mail: vitarmaeva@gmail.com

Нарчук В.С. – канд. филол. наук, редактор издательского дома «Восточная Сибирь» (Красноярск, Россия). E-mail: val50993@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.I. Tarmaeva, Dr. Sci. (Philology), leading specialist of the multidisciplinary center of expert examination, professor, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: vitarmaeva@gmail.com

V.S. Narchuk, Cand. Sci. (Philology), editor, Vostochnaya Sibir' publishing house (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: val50993@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.08.2024;
одобрена после рецензирования 05.10.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*Статья поступила в редакцию 26.08.2024;
одобрена после рецензирования 05.10.2025; принята к публикации 05.12.2025.*